

Николай Мининков, Людмила Мининкова

Рец. на: З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVII—XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

Nikolay Mininkov, Ludmila Mininkova

(both — Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. Nalogi i voyny v Rossii XVI—XVIII vv. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870015476-4

Новая монография известных исследователей экономической и финансовой истории России позднего Средневековья и Раннего Нового времени З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова содержит комплексный анализ общего положения Московского государства и первого века существования Российской империи не только с точки зрения истории финансов, но и в отношении истории внешней политики. В книге с опорой на синхронный и диахронный анализ и сравнительный метод характеризуются особенности внутреннего строя России на фоне стран Европы. Структура монографии позволяет уяснить процесс становления и развития России как военно-фискального государства. Авторы исходят из того, что это был длительный путь, начавшийся со времени Ивана Грозного; повествование доведено до «времен Очаковских и покоренья Крыма» при Екатерине II. Последнее не означает, однако, что на этом заканчивается и история военно-фискального государства: вопрос о времени прекращения его существования авторы оставили открытым.

При этом авторы книги подводят читателя к общей и «вечной» проблеме российской истории: вопросу о месте страны в окружающем её мире или соотношении общего и особенного в её истории. На фоне кризиса совет-

ской историографии с господствовавшей в ней концепцией русского феодализма чётко выразилась мысль об особом пути исторического развития России. Как показали Дмитриева и Козлов, системы налогообложения в разных странах могут служить критерием, дающим основания для характеристики цивилизаций. Авторы упоминают концепцию о татарском происхождении налоговой системы Московского государства, отметив при этом, что источники не фиксируют случаев трансляции монгольской системы сбора налогов в русские княжества. В монографии внимательно проанализированы способы обложения населения в европейских странах со времени появления в Англии «Книги страшного суда» при Вильгельме I Завоевателе, а также более поздние налоговые системы в других государствах. Это позволило авторам сделать вывод, согласно которому основные черты системы налогообложения в России имели принципиальное сходство с европейскими, хотя последние сформировались значительно раньше. И если на Западе в конце XV — начале XVI в. уже сложился порядок обложения земли, всего недвижимого и движимого имущества, то в России того времени лишь начинали формироваться принципы поземельного обложения. Представляется, что

этот вывод исследователей является аргументом в поддержку тезиса С.М. Каштанова, констатирующего «принципиальную однотипность русского и западного феодализма», но с отставанием в 600—800 лет¹.

Магистральная тема монографии — финансовая история России почти за три столетия. История налогообложения при этом прослежена в неразрывной связи с другими сторонами жизни государства и общества, его политикой и культурой. Тем самым она приближается к идеалу тотальной истории, которая даёт возможность получить, по А.Я. Гуревичу, «объёмную картину исторической жизни на многих её уровнях»². Исследование Дмитриевой и Козлова даёт возможность наглядно увидеть не только самую тесную связь между войнами и налогами. Значение этих явлений авторы рассматривают в связи с тем, что на их базе шло формирование государств и их историческое развитие как в Средние века, так и в Новое время. Вне учёта роли налоговой системы и податного обложения невозможно уяснить характер и особенности функционирования государственного аппарата, самого существования государственной власти и, следовательно, условий развития общества. Не случайно А.С. Лаппо-Данилевский выдвигал в качестве объекта исследования историю податного обложения в России XVII в.³ Поставленная в монографии Дмитриевой и Козлова проблема позволяет уяснить не только финансовую или военно-финансовую историю. Книга имеет более общее значение, давая представление о характере и особенностях государства и отношений его с обществом.

Наглядным проявлением связи между финансами страны и фундаментальной проблематикой отечественной истории стала характеристика предпосылок Смутного времени в

России в свете анализа налогообложения периода Ливонской войны. Отмечая, что проблемы, обозначившиеся тогда в разных сферах, в историографии принято связывать с войной и с усилившимся податным гнѐтом, авторы указали на конкретные проявления кризиса. Анализ источников, где на причины и «степени запустения» указывало само население, позволил констатировать, что происходило это не только «от литовской войны», «свейских немец» или «поветрия». В не меньшей степени в сознании людей причиной «запустения» были «государевы подати». По словам современников, запустение происходило также от опричников и от «ратных людей». Авторы приводят данные о «запустении» по Деревской пятине, вотчинам Иосифо-Волоколамского монастыря и указывают на масштабы этого явления по другим территориям страны. К этому добавим, что масштабы кризиса отражены уже в Рязанской писцовой приправочной книге, относящейся ко времени царя Фёдора Ивановича. Согласно этому источнику, немало мелких помещиков Рязанского уезда «сошли» на Дон и упоминались в книге в качестве донских атаманов⁴, сохраняя при этом свои поместья в уезде. Таким образом, анализ финансового положения страны и политики правительства в сфере налогообложения в период Ливонской войны, проведѐнный Дмитриевой и Козловым, позволяет понять ситуацию в стране накануне Смуты.

Ливонская война, ставшая одной из причин экономического кризиса в стране, выдвинула в качестве определяющего принципа финансовой политики русских властей обеспечение военных потребностей государства, изъятие у населения средств на ведение войны. Смута с её потрясениями включила в повестку дня в качестве исключительно актуального ещё

один принцип налоговой политики — принцип посильности. Два указанных авторами начала находились в противоречии друг с другом. Приоритет военных потребностей государства справедливо определён авторами как ведущий. Периоды, когда принцип посильности играл заметную роль, не были продолжительными, в частности, ему следовали от заключения Столбовского и Деулинского мирных договоров до Смоленской войны, а также, вследствие накопившихся огромных недоимок, в последние годы царствования Михаила Романова. Но уже в начале правления Алексея Михайловича правительство отказалось от системы послаблений в связи с началом в 1654 г. войны с Речью Посполитой. Шаги по облегчению подушной подати были сделаны после смерти Петра I верховниками, но вступление Российской империи в войны при Анне Иоанновне вновь заставили власти отказаться от принципа посильности. Понимание ограниченности возможностей увеличения прямых налогов осознавало окружение Елизаветы Петровны, результатом чего стали поиски способов увеличения косвенных податей. Семилетняя война, а затем войны Екатерины II, хозяйственное освоение Причерноморья и Крыма заставили правительство искать пути повышения государственных доходов в том числе за счёт поиска более эффективных мер по сбору налогов.

Если военные нужды для правительства были доминирующими, то принцип посильности, основанный на опасении народных движений, явно занимал второстепенное место. «Внешние успехи новой России напоминают полёт птицы, которую вихрь несёт и подбрасывает не в меру силы её крыльев»⁵, — так образно В.О. Ключевский отметил несоответствие между внешнеполитическими

успехами государства и военными расходами власти, с одной стороны, и реальными экономическими возможностями народа — с другой. Дмитриева и Козлов на конкретном материале проследили, как объективное противоречие между государственными запросами и экономическими возможностями податного населения приводило не только к постоянным недоимкам, но и к выколачиванию податей с помощью военной силы⁶.

В качестве одного из следствий финансовых трудностей населения исследователи указали на массовые народные движения, непосредственно вызванные мерами фискальной политики. В отношении одного из таких выступлений, Медного бунта 1662 г., недавно было высказано особое мнение: это восстание было вызвано нарушением традиционных представлений народа «о мироустройстве, о власти вообще и о фигуре монарха в частности»⁷. Едва ли, однако, есть основание отрицать связь Медного бунта с расстройством денежной системы. О внутреннем напряжении, связанном с попыткой введения медных денег, свидетельствует посылка в 1663 г. Войску Донскому в качестве царского жалованья 10 тыс. руб. медью. Казаки отказались принять его: к тому времени медные деньги уже были выведены из обращения⁸.

Особый интерес вызывает авторский анализ развития налоговой системы в России в связи с зарубежными практиками податного обложения. Авторы рассматривают развитие системы налогообложения в Московском государстве и в Российской империи XVIII в. как часть общеевропейского процесса, для которого определяющей чертой был «модерный нациогенез»⁹ и формирование национальных государств (переход от политической раздробленности Средневековья к государственному объединению Ран-

него Нового времени). Постоянные войны, которыми сопровождался этот процесс, сделали необходимым формирование общегосударственных налоговых систем. Авторы монографии, однако, не просто приняли и применили концепцию военно-фискального государства к России. Они подтвердили возможность её использования для объяснения важнейших процессов, имевших место в стране с середины XVI до конца XVIII в.

Исследование опирается на широкий круг источников. Среди них — материалы писцового делопроизводства и ревизий, документы о налогообложении и повинностях Кирилло-Белозерского монастыря и Поморья, челобитные. Дмитриева и Козлов правомерно указали на вопрос о степени достоверности этих источников, в частности писцовых книг, который был поднят ещё в трудах А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова¹⁰. Не меньше сложностей ожидают исследователя при работе с дозорными книгами. Как отмечал В.Н. Козляков, противоречия между старыми писцовыми книгами и новыми дозорами в первые годы царствования Михаила Романова вызвали «рознь между землевладельцами разных уездов»¹¹. И, напротив, на достоверность ранних новгородских писцовых описаний указывал А.А. Фролов¹². Авторы монографии признают сложность анализа данных писцовых и дозорных книг и указывают на метод проверки их данных путём сравнений государственных и вотчинных описаний.

Теория военно-фискального государства, принятая и глубоко обоснованная Дмитриевой и Козловым, вполне вписывается в рамки отечественной историографической традиции, в которой заметное место занимает концепция Русского централизованного государства, наиболее чётко обоснованная Л.В. Черепниним.

В дальнейшем, начиная с работ А.М. Сахарова, стал заметен отход историков от этой концепции¹³. В последние годы заметно усиление внимания к взглядам Черепнина, в книге которого представлено «достаточно полное изложение политической истории», «принципиально новая концепция социально-экономических оснований объединения Руси», прослежена «эволюция общественной мысли»¹⁴. Монография Дмитриевой и Козлова даёт дополнительное обоснование концепции Русского централизованного государства. Для ведения войн и их материального обеспечения был необходим развитый аппарат власти. На конкретном материале истории налогообложения авторы подтвердили положение о непомерной тяжести государственных податей и повинностей для широких слоёв населения страны. Книга З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова стала важным вкладом в исследование процессов образования и развития Российского государства и роли в них войн и налоговой политики самодержавия.

Примечания

¹ *Кашианов С.М.* Московское царство и Запад. Историографические очерки. М., 2015. С. 439.

² *Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 522.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 2.

⁴ *Анпилов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С. 206, 209, 211, 223—224, 228.

⁵ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1957. С. 8.

⁶ *Спаский И.Г., Юхт А.И.* Финансы. Денежное обращение // *Очерки русской культуры XVIII века.* В 2 ч. Ч. 2. М., 1977. С. 111—112.

⁷ *Ляпин Д.А.* Причины «Медного бунта» в Москве 25 июля 1662 г. // *Гуманитарные и юридические исследования.* Научно-теоре-

тический журнал. Вып. 3. Ставрополь, 2020. С. 54—55.

⁸ Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 145.

⁹ Доронин А.В. Модерный нациогенез как миссия Ренессанса // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII вв. М.; Калуга, 2019. С. 24—25.

¹⁰ Макушин А.В. Магистерская диссертация А.С. Лаппо-Данилевского в оценке П.Н. Милукова // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1. СПб., 2003. С. 78.

¹¹ Козляков В.Н. Михаил Романов. М., 2010. С. 111.

¹² Фролов А.А. Первые писцовые описания на Руси и земельная политика великого князя Ивана III // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 357.

¹³ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 35.

¹⁴ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М., 2015. С. 381.

Евгений Крестьянников

История томского погрома 1905 г.*

Evgenii Krestiannikov

(Tyumen State University, Russia)

The history of the Tomsk pogrom of 1905

DOI: 10.31857/S086956870015477-5

Второе издание монографии Михаила Викторовича Шиловского о томском погроме 20—22 октября 1905 г. осуществлено вдвое бóльшим тиражом (1 тыс. против 500 экз.)¹ и богато иллюстрировано, что свидетельствует об интересе к теме широкого круга читателей. Это неудивительно, поскольку М.В. Шиловский — патриарх сибиреведения и признанный мастер исторического исследования — осмелился детально разобраться в явлениях, трагизм и необъяснимость которых, вероятно, препятствовали их изучению предшественниками. 66 погибших и 126 раненых в томском погроме (с. 3) стали жертвой глубоких перемен, поскольку события октября 1905 г. «отобразили радикальную реакцию “низов” городского социума против носителей модернизационных

процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества» (с. 114). После такого кровопролития жизнь Томска уже не могла вернуться в прежнее русло. По свидетельству очевидца, тогда в городе случилось «что-то вроде Варфоломеевской ночи»², и в дальнейшем, как вспоминал другой свидетель бойни, томичи видели друг в друге «зверя, готового броситься на тебя без всякой причины»³.

Шиловский проделал большую работу по реконструкции конфликта, скрупулёзно исследовал обстановку в Томске: карьеры губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева и полицеймейстера П.В. Никольского, социальный и профессиональный состав населения города, состояние местного гарнизона и даже количество абонен-

* Шиловский М.В. Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Изд. 2, испр. и доп. Новосибирск: Параллель, 2019. 160 с.